

П. В. КРАШЕНИННИКОВ,
*доктор юридических наук, профессор,
председатель Комитета Государственной Думы
по гражданскому, уголовному, арбитражному
и процессуальному законодательству*

БРОНИСЛАВ МИЧИСЛАВОВИЧ ГОНГАЛО. ПРЕОДОЛЕВАЯ ИСПЫТАНИЯ

Бронислав Мичиславович Гонгало... Впервые услышав такие имя, отчество и фамилию, невольно подумаешь: это человек нестандартный. И в самом деле: Бронислав выделяется не только своим ФИО, но и внешностью, и поведением, остроумием и небанальностью мышления.

Свердловск не так давно был закрытым городом. Иностранцев туда не пускали, и «импортных» имен никто не воспринимал. Встречались, конечно, нестандартные имена, как правило, у людей достаточно пожилых. Сестры-близнецы могли носить имена Рева и Люция (вместе — революция). Был еще такой «шедевр» творцов революционных имен, как Побиск (победитель Октября, борец и строитель коммунизма). Но Бронислав, да еще Мичиславович — это явно что-то иностранное. Возникали вопросы по поводу правописания, ударения и так далее: «Как писать?», «Где «и», а где «е»?». А не особо «толерантные» так и спрашивали: «Что за национальность такая?».

Теперь фамилия. Казалось бы, ничего особенно сложного — ГОНГАЛО. Нет, опять вопросы... Вспоминаю, как, будучи аспи-

рантом, написал книжку про жилищно-строительные кооперативы, уговаривал Бронислава Мичиславовича быть ответственным редактором (в СССР без этого было нельзя). Уговорил. Книга вышла. Я счастлив. Смотрю: «Ответственный редактор Б. М. Гончало». Думаю, как я в глаза буду смотреть старшему товарищу, переживал, спросил у издателей, можно ли все перепечатать. Меня послали (видимо, к редактору). Пришел, показываю. Бронислав говорит: «Ха, я к этому привык». На самом деле, вряд ли, но с меня груз вроде бы снял. Мою фамилию тоже нередко перевирают, и я знаю, как это неприятно. Так что каждый раз это некоторое испытание на терпимость к чужим ошибкам.

Бронислав Мичиславович Гонгало родился в январе 1956 г., в парспорте — 5-го, на самом деле — 6-го января в селе Ростовка Келлеровского района Кокчетавской области Казахской ССР (сегодня это Республика Казахстан). Родители Бронислава — Мичислав Викентьевич и Полина Андреевна — перед войной были выселены с Кубани в Казахстан по национальному признаку (поляк и немка). Бронислав — второй, младший сын в семье; старший брат Викентий, названный в честь деда, работает в Северо-Казахском университете доцентом на кафедре философии. Кстати, Бронислав до пяти лет говорил по-немецки.

Окончил восемь классов средней школы и в 1972 г. поступил в Челябинский юридический техникум. Как он сам говорит, начитавшись книг детективного жанра. Хотел стать прокурором или судьей. По тем временам выбор отнюдь не стандартный. Тогда профессия юриста была не самой популярной. Согласитесь, в столь юном возрасте выбрать профессию и остаться верным выбору — не частое явление. Серьезный был мальчик Бронислав.

С 1974 по 1976 г. служил в Советской Армии, где от санинструктора дослужился до заведующего столовой. После службы поступил на рабфак Свердловского юридического института. Поступил благодаря счастливому стечению обстоятельств. Дело в том, что замполит части, где служил Бронислав, «воспылал» к нему нелюбовью. В результате чего в институт на Гонгало пришла такая характеристика, что в пору было направлять его в исправительное учреждение, а не на рабфак юридического института. Так что служба в армии, не важно на каких должностях, в любом случае является испытанием,

как говорится, огнем и водой. Что почувствовал Бронислав, прочтя эту характеристику, — пламя адского огня или озноб от ушата холодной воды, — остается только догадываться. Перед ним замаячило отчисление с рабфака.

К счастью, в то время рабочим факультетом руководил Эдуард Николаевич Ренов. Он вызвал Бронислава и дал ему три дня на то, чтобы исправить положение. За это время нашему рабфakovцу удалось «смотаться» в часть и привезти оттуда объективную характеристику. Так что юридическая карьера Бронислава Мичиславовича в тот момент висела на волоске.

Метаморфозы с названиями городов, улиц, вузов происходили, как говорится, на наших глазах. На революционной волне Екатеринбург стал Свердловском, хотя Яков Свердлов бывал в нем лишь с кратковременными визитами. Но надо было что-то подобрать, а тут еще город с императорским именем в названии, хотя назван-то он был в честь святой, а не императрицы, но — какая разница?..

Замечательный юридический вуз, основанный в 1934 г. в Свердловске на базе Сибирского института советского права, первоначально находившегося в Иркутске, назвали «Свердловский юридический институт» (СЮИ). Среди его выпускников такие известные юристы, как С.С. Алексеев, В.Ф. Яковлев, С.А. Хохлов...

Но вот умирает «выдающийся государственный и партийный деятель», известный, прославленный юрист А.Я. Вышинский. Назвали СЮИ его именем. Выясняется, что в годы культа личности он участвовал в репрессиях. Убрали из названия фамилию Вышинского. Свято место пусто не бывает. Назвали именем государственного обвинителя на Нюрнбергском процессе Р.А. Руденко, про которого затем также выяснились неприятные обстоятельства. Убрали фамилию Руденко и оставили просто СЮИ. Но вот незадача — Свердловск вновь стал Екатеринбургом. Как назвать институт? Решили — раз уж менять название, так сразу все слова, кроме ключевого, — УрГЮА (Уральская государственная юридическая академия). Совсем недавно стал УрГЮУ — Уральский государственный юридический университет. Будем надеяться, что последнее название продержится долго.

Может, вся эта свистопляска с переименованиями и привела к тому, что значительная часть выпускников вуза, включая и героя

нашего рассказа, в большей степени ориентирована на значение каждого слова, в том числе и в законодательстве, которое, как известно, обеспечивает законные права и интересы граждан и квинтэссенцией которого и является гражданское законодательство? Неслучайно уральская цивилистическая школа является «визитной карточкой» нынешнего УрГЮУ. Вот и рабфаковец Бронислав Гонгало понял, что именно гражданское законодательство позволяет творчески развиваться личности и таит в себе много замечательных открытий. О мечтах стать прокурором он быстро забыл.

После рабфака Бронислав был зачислен непосредственно в тогда еще СЮИ. Попал в хорошую группу, где училась и его будущая жена Елена. Со многими он дружит до сих пор, например, с Татьяной Ильиничной Зайцевой, великолепным специалистом по нотариальному и наследственному праву. Повезло Брониславу с учителями. Особенно он сблизился с Владимиром Александровичем Плетневым, с которым дружил до ухода наставника. Конечно же, Брониславу помогало образование, полученное в Челябинском юридическом техникуме, но больше — талант и усердие (я бы сказал, усердие без надрыва, без мучений).

Оптимизм, который с годами, как правило, не крепнет, тогда у него проявлялся во всем. И в учебе, и в преподавательской деятельности, и в научных исследованиях, и в неформальном общении с друзьями и коллегами. Он легко поступил в очную аспирантуру Свердловского юридического института. В 1984 г. защитил кандидатскую диссертацию.

После защиты кандидатской диссертации Брониславу удалось побывать на исторической родине своей матери в качестве стажера Лейпцигского и Берлинского университетов. Видимо, эта стажировка весьма благотворно сказалась на его дальнейших творческих успехах. Очень скоро Бронислав Мичиславович стал признанным специалистом в области гражданского, жилищного и семейного права.

Познакомились и подружились мы с ним как-то незаметно. Мы жили в одном районе города под пышным названием «Ботанический сад», на одной улице, а потому нередко оказывались в одном трамвае по дороге домой или на работу. Я тогда был аспирантом, а Бронислав уже доцентом. Чтобы скоротать не такую уж близкую дорогу, особенно зимой, когда температура в трамвае мало отличалась от уличной,

мы обсуждали вопросы гражданского права, тонкости преподавательской деятельности, да и просто житейские вопросы. Со временем эти «трамвайные посиделки» выросли в крепкую дружбу.

Если судить по нумерации домов, в которых мы жили, то находились они совсем рядом. Однако в реальности их разделяло немаленькое пространство, во все времена года покрытое непролазной грязью. Так что походы в гости друг к другу всегда были сопряжены с преодолением этих хлябей, что имело вполне наглядные последствия. Например, велосипеды, на которых семья Гонгало иногда приезжала к нам, порой невозможно было даже занести в подъезд, настолько они были испачканы. А когда мы приходили к ним в гости, то порой оставляли ботинки в подъезде, поскольку отчистить их без специальных средств не было никакой возможности. Так что наша дружба в первую очередь прошла испытание свердловской грязью, а уж потом огнем, водой и медными трубами.

Трудно сказать, творческое сотрудничество послужило основой нашей дружбы или, наоборот, взаимная симпатия привела к тесному творческому союзу. Мы писали многочисленные совместные статьи, готовили учредительные документы и договоры для возникавших в то время как грибы экономических структур, часто вместе ездили в командировки. В конце 80-х — начале 90-х годов мы с Брониславом состояли в Инновационном комитете Свердловской области. Комитет вполне оправдывал свое название, поскольку приходилось создавать качественно новые нормативные акты. Особенно это относилось к сфере жилищного законодательства. Например, в Свердловской области впервые в стране были разработаны правила обмена жилых помещений, в том числе находящихся в частной собственности, положение о предоставлении жилья нуждающимся и т. д.

Законодательство тогда менялось с калейдоскопической быстротой. Помню, в одном семестре нам пришлось читать лекции студентам по законодательству о юридических лицах сначала по старому законодательству СССР, потом по новому законодательству СССР, а в конце и вовсе по законодательству РСФСР. В этих условиях приходилось внимательно следить за принятием новых законодательных актов, обсуждать новые рыночные реалии, изучать дореволюционные работы по гражданскому законодательству. Понятно, что вдвоем это делать гораздо легче.

Также намного легче писать статьи и книги совместно, так как «одна голова хорошо, а две — лучше». Количество книг, статей и документов, написанных нами в соавторстве, настолько велико, что профессор Е. А. Суханов как-то назвал нас Бойлем и Мариоттом. В целом понятно, что он имел в виду. Не очень понятно, причем тут эти два физика, открывших один и тот же закон, — они даже не были знакомы. В отличие от Бойля и Мариотта, точнее от соавторов, спорящих о приоритете своих работ, наши споры с Брониславом на тему, кто сделал больше, происходят с точностью до наоборот. Каждому из нас кажется, что соавтор внес куда более значимый вклад и соответственно должен получить больший гонорар. В итоге делим все по-братски поровну...

Несколько слов следует сказать об одной книжке — не потому, что там были какие-то теоретические изыски, а в силу широкого распространения в стране, особенно в Москве и Ленинграде. Авторами данной работы были Ефим Владимирович Басин и мы. Работа называлась «Приватизация жилья. Комментарий к Закону «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации»» и вышла в 1993 г. Книга продавалась везде: в метро, на автобусных и трамвайных остановках, в магазинах, и не только книжных. Приватизация жилья только начиналась. Комментарий вышел в четырех цветах и в твердых и мягких обложках. Мы, конечно, были рады популярности издания, но то, что его тираж — один миллион экземпляров, нас как-то не «цепляло». Осознали масштаб действия только лет через 10. Тогда считали: «Ну, хорошо, только гонорар могли бы больше заплатить». Впрочем, это неважно, но тиражей таких нет и не будет.

В 1993 г. я перебрался в Москву, но это испытание пространством никак не ослабило нашу дружбу и наш творческий союз. Конечно, став министром юстиции, я попытался «перетащить» Бронислава в столицу, учитывая прежде всего его незаурядные профессиональные и организаторские способности. Он всячески сопротивлялся, мотивируя свой отказ семейными обстоятельствами. Как-то для убедительности я продемонстрировал ему ключи от московской квартиры, предназначенной для замминистра, и предложил ему занять эту должность. Бронислава это несколько смутило. Тем более что Эдуард Николаевич Ренов (да-да, тот самый) настойчиво советовал ему: «Хату надо брать в любом случае. Потом разберешься». Но в итоге

Бронислав Мичиславович все равно отказался. Ну что ж, чиновника из него не получилось — после 60 лет на госслужбу не берут.

Тем не менее он является членом Совета по кодификации гражданского законодательства при Президенте России, участвует в работе соответствующих комиссий, которые дают заключения на проекты федеральных законов и другие нормативные акты. Ну и конечно же он играет ведущую роль в филиале Исследовательского центра частного права при Президенте РФ в Екатеринбурге. Бронислав Мичиславович возглавил его после ухода с этой должности Сергея Сергеевича Алексеева. Его шутка, что на самом деле Центр находится в Екатеринбурге, а в Москве — его филиал, не так уж далека от истины. По крайней мере, если судить по активности и продуктивности работы сотрудников этих двух учреждений. Это я как ректор Российской школы частного права с 10-летним стажем говорю в плане самокритики. Для уральцев эта деятельность — главная, а для москвичей — вторая или третья.

Докторскую диссертацию Бронислав сначала собирался защищать по жилищному праву. Однако, начиная с наших старых работ 1993 г. о залоговом праве в России, у Гонгало накопилось большое количество материала на эту тему, в том числе его монография «Учение об обеспечении обязательств» — одна из лучших работ в России на эту тему. Причем это отнюдь не только мое личное мнение. Так что в конце концов мне удалось убедить его защищаться по теме «Гражданско-правовое обеспечение обязательств».

Защита Б. М. Гонгало докторской диссертации в 1999 г., я думаю, надолго запомнилась сотрудникам и студентам СЮИ. Мало того, что на защите присутствовали такие знатные юристы, как С. С. Алексеев, Е. А. Суханов, А. Л. Маковский, а также ваш покорный слуга в ранге министра юстиции, так еще приехало и много юристов из других городов — послушать диссертанта и оппонентов. Интерес был огромный. Зал, понятное дело, не вместил всех желающих и многим пришлось стоять в прилегающих коридорах, пытаясь услышать происходящее в зале. Современных средств, позволяющих транслировать заседание, тогда не было.

Как это принято, после успешной защиты диссертации состоялось бурное празднование этого события. Больше всех, видимо, радовался наш общий друг Виктор Николаевич Симонов. Эта неумемная радость

довела его до весьма «большого», как говорят «специалисты», состояния. На следующее утро, часиков этак в четыре-пять, на пороге квартиры Бронислава Мичиславовича возник наш «больной». Не было нужды ни в каких медицинских анализах, чтобы определить «диагноз» «пациента». Бронислав молча налил стакан коньяка, а Виктор также молча его выпил. Только после этого он нарушил молчание, заявив: «Вот теперь я вижу, что ты настоящий доктор». С тех пор ученая степень Б. М. Гонгало приобрела некоторый медицинский оттенок.

В 2002 г. Б. М. Гонгало стал профессором.

Что касается испытания медными трубами, т. е. славой, то Бронислав Мичиславович всегда был чужд как истового чиновничества, так и чрезмерного чувства собственного величия. Для него в общении прежде всего важен сам человек, с его плюсами и минусами, а не место в бюрократической иерархии или общественном мнении. Помню, на вечеринке в одном из екатеринбургских кафе, в бытность мою министром юстиции, все гости явились в обычной одежде, а на одном из них (назовем его Сергей) была камуфляжная куртка. Персонал кафе, предупрежденный, что среди гостей будет федеральный министр, приняли за министра именно этого гостя и принялись его всячески ублажать. Сергей, сам того не замечая, «надувался» каждую минуту все больше и больше, а гости беззлобно над ним потешались. С Брониславом подобного казуса никогда не случалось и, я уверен, не случится.

Так что, если посмотреть, так сказать, в ретроспективе на творческий путь Бронислава Мичиславовича, то характеризовать его можно следующим образом: «все выше и выше», без отступлений и всяких заминок. Преодолевая любые испытания.

У меня нет никаких оснований полагать, что в дальнейшем будет как-то иначе. Ведь всегда остаются вершины, «на которых еще не бывал».

В. В. ВИТРЯНСКИЙ,
доктор юридических наук, профессор

РЕФОРМА ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ОБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Общие положения об объектах гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) сформулированы следующим образом: к объектам гражданских прав относятся вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права; результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

По сравнению с ранее действовавшей редакцией ст. 128 ГК РФ в качестве отдельных объектов гражданских прав, не относящихся к вещам, выделены безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги. Это стало возможным в связи с тем, что законопроектом предложен комплекс специальных правил, направленных на регулирование указанных объектов. Данное обстоятельство, например, делает ненужным (за редким исключением) применение к безналичным денежным средствам и бездокументарным ценным бумагам правил о вещах, как это имело место ранее. Так, в § 3 гл. 7 (ст. 149–149.5) ГК РФ теперь имеется комплекс норм, регламентирующих гражданские права на бездокументарные ценные бумаги и особые способы защиты от разного рода нарушений.

К примеру, согласно ст. 149.3 правообладатель, со счета которого были неправомерно списаны бездокументарные ценные бумаги, будет вправе требовать от лица, на счете которого они находятся, возврата таких же бумаг. При этом бездокументарные ценные бумаги, удостоверяющие только денежное право требования, а также приобретенные на организованном рынке, не могут быть истребованы от добросовестного приобретателя. Если же бездокументарные ценные бумаги были безвозмездно приобретены от лица, которое не имело права их отчуждать, правообладатель вправе истребовать такие ценные бумаги во всех случаях. Когда же бездокументарные ценные бумаги, которые правообладатель вправе истребовать, были конвертированы в другие ценные бумаги, правообладатель вправе истребовать те ценные бумаги, в которые были конвертированы ценные бумаги, списанные с его счета. А при наличии возможности приобретения на организованном рынке таких же ценных бумаг, которые были неправомерно списаны со счета правообладателя, последний вправе по своему выбору потребовать от лиц, несущих перед ним ответственность за причиненные этим убытки, приобретения соответствующих ценных бумаг за их счет либо возмещения всех расходов, необходимых для их приобретения.

Несколько иной подход со стороны законодателя наблюдается в отношении таких объектов гражданских прав, как объекты недвижимости. Прежде всего необходимо отметить, что ст. 130 ГК РФ осталась в прежней редакции, хотя в редакции законопроекта, принятого в первом чтении, эта статья включала в себя правила о том, что земельный участок и находящиеся на нем здание, сооружение, объект незавершенного строительства, принадлежащие на праве собственности одному лицу, признаются единым объектом и участвуют в гражданском обороте как одна недвижимая вещь; к недвижимым вещам в равной степени относятся как жилые, так и нежилые помещения, выделенные в установленном порядке в качестве самостоятельных объектов гражданских прав.

Данные законоположения («выпавшие» из текста ст. 130 ГК РФ) были призваны законодательно оформить подходы, давно сложившиеся как в доктрине, так и в судебной практике. Так, в 2005 г. при подготовке постановления Пленума ВАС РФ от 24 марта 2005 г. № 11 «О некоторых вопросах, связанных с применением земельного за-